

Популярная телеведущая Татьяна Миткова 8 Марта встречает на работе

— Когда мы договаривались о встрече, вы, Татьяна, обронили фразу, что не понимаете, к какому жанру отнести интервью с коллегой. Я не нахожу лучшего аргумента в защиту, кроме того, что тележурналист — это больше, чем журналист.

— Если подразумевать портретную идентификацию зрителями тех, кто появляется на экране? Наверное, так. По большому счету, разница между нами заключается в том, что меня узнают на улицах, а вас — нет.

— Значит, вы согласны с Владимиром Познером, утверждавшим, что если еженедельно показывать на экране лошадиную задницу, через три недели люди начнут оглядываться на нее и говорить: «Это та самая задница, которая вчера была по телевизору»?

— Мне трудно что-либо сказать по этому поводу, поскольку я ни разу не видела на экране лошадиных задниц, но если даже допустить, что их демонстрировали бы регулярно, вряд ли я смогла бы запомнить эти части лошадиного тела, ибо не имею привычки смотреть каждый день одно и то же.

— Судя по реакции, вы обиделись на сравнение? — Дело не в этом, хотя, конечно, образ, найденный Познером, не кажется мне самым удачным.

— Вы сказали, что не любите однообразие на экране. Но к программам новостей это не относится. Следовательно, вы готовы смотреть информационные выпуски по всем каналам без разбора?

— Зачем же так плохо обо мне думать? Я предпочитаю новости первого и второго каналов. И НТВ, разумеется.

— Последнее могли бы и не добавлять. «Сегодня» вы по долгу службы смотрите обязательно.

— Знаете, никто в этой жизни не может меня ни к чему принудить. Во всяком случае начальство не требует отчета, смотрела ли я тот или иной выпуск. Делала все добровольно, это часть моей работы.

— У всех прочих Татьян в стране один «фирменный» день в году — 25 января. Вы же берете оптом, целыми неделями. И этих недель за год набирается ровно 26. Столько же вы оставляете Михаилу Осокину, своему сменщику по программе «Сегодня». Ревнуете, когда Михаилу, а не вам достаётся сообщить с экрана сенсационную новость?

— Это не ревность, хотя, конечно, иногда и ловишь себя на мысли, что Мише повезло.

— А себя, значит, вы считаете в этом смысле невезучей? — Было время, мы с Мишей даже пытались анализировать, кому какие ЧП чаще выпадают. Скажем, в определенный период именно Мише доставалось информформировать об авиакатастрофах. Потом на его недели стали приходить захваты заложников в Минеральных Водах. У нас в редакции даже начали по черному шутить на эту тему...

Правда, я наверстала упущенное с Буденновском и Кизляром, приключившимися в дни моих эфиров... Но, вы понимаете, ко-

Татьянин день

гда речь идет о подобных событиях, трудно говорить о какой-то невезучести.

— Одно из интервью с вами называлось «Миткова: пять улыбок в минуту». В последнее время поводов для улыбок, похоже, становится все меньше?

— К сожалению. Я не актриса, играть не умею, поэтому реагирую на то, о чем рассказываю, на уровне собственных чувств. И рада бы улыбнуться, но...

— Говорите: не актриса. Но вас ведь неоднократно звали в кино, и вы даже, знаю, брали сценарии, значит, подумывали над тем, чтобы попробовать?

— Нет, предложения сниматься

— Камень в невзоровский огород, точнее — в его «Дикое поле»? — Я совершенно намеренно не смотрю эту программу, не видела ни одного выпуска. Для меня Невзоров ассоциируется с репортерством времен «600 секунд». Тогда это было интересно, профессионально, а потом... Считаю, что нынешние репортеры НТВ не уступают в мастерстве бывшему Александру Глебовичу.

— В одной из московских газет недавно было опубликовано предложение к телевизионщикам сообщать в репортажах из Чечни не просто цифру погибших за истекшие сутки солдат, а называть конкретные фамилии павших. Мол, это избавило бы миллионы матерей от еженедельного страха: не о моем ли сыне речь?

— Любопытно, что эта идея озарила газетчиков после года войны... Мы давно пытаемся решить этот вопрос. Не далее как на прошлой неделе в очередной раз обращались в пресс-службы соответствующих ведомств с просьбой дать нам имена погибших. Новый отказ, мотивированный тем, что проверка данных о потерях идет долго, дабы исключить возможность ошибки. Наверное, это справедливо, хотя, думаю, раз в неделю нас могли бы присылать списки. Во всяком случае так делается во всех цивилизованных странах, где имена павших даже публикуются в прессе. Так, кстати, было и у нас в годы первой мировой войны. Тогда газеты печатали списки погибших, раненых, попавших в плен. Наверное, сегодня дело не только в тщательной проверке данных, но и в нежелании руководства Минобороны и МВД обнародовать истинную картину происходящей в Чечне трагедии.

— Упомянули, что я дважды уходила из «Останкино». В марте 91-го года написала первое заявление, поскольку продолжать работу с прежним руководством было невозможно. Второй раз я ушла навсегда. Меня позвали в телекомпанию НТВ и дали на размышление сутки. Я приняла решение. Это было летом 93-го года.

С того времени прошло почти три года, но поворотов делать не хочется. В моих планах по-прежнему работа на НТВ. Меня устраивает то, что я делаю, устраивает атмосфера в компании, словом, устраивает все.

— Так не бывает. — Представьте себе, бывает. Тыфу-тыфу, чтобы не сглазить.

— Вы суеверны? — Пожалуй, нет. Во всяком случае черные кошки, тринадцатые числа меня не пугают. Но когда речь заходит о НТВ, невольно хочется сплунуть, больно уж все у нас складно получается. И это при том, что мы много мозолим глаза, что вокруг нас постоянно сгущаются какие-то тучи. Жаль, если кому-то удастся угадать хорошее дело.

— Нет вопросов: вам нравится НТВ, вы намерены работать там и впредь — ну и ради Бога. Когда я спрашивал о том, что вы называете сменой декораций, подразумевал одно: не

пожалуй, нет. Во всяком случае черные кошки, тринадцатые числа меня не пугают. Но когда речь заходит о НТВ, невольно хочется сплунуть, больно уж все у нас складно получается. И это при том, что мы много мозолим глаза, что вокруг нас постоянно сгущаются какие-то тучи. Жаль, если кому-то удастся угадать хорошее дело.

— Нет вопросов: вам нравится НТВ, вы намерены работать там и впредь — ну и ради Бога. Когда я спрашивал о том, что вы называете сменой декораций, подразумевал одно: не

пожалуй, нет. Во всяком случае черные кошки, тринадцатые числа меня не пугают. Но когда речь заходит о НТВ, невольно хочется сплунуть, больно уж все у нас складно получается. И это при том, что мы много мозолим глаза, что вокруг нас постоянно сгущаются какие-то тучи. Жаль, если кому-то удастся угадать хорошее дело.

— Нет вопросов: вам нравится НТВ, вы намерены работать там и впредь — ну и ради Бога. Когда я спрашивал о том, что вы называете сменой декораций, подразумевал одно: не

пожалуй, нет. Во всяком случае черные кошки, тринадцатые числа меня не пугают. Но когда речь заходит о НТВ, невольно хочется сплунуть, больно уж все у нас складно получается. И это при том, что мы много мозолим глаза, что вокруг нас постоянно сгущаются какие-то тучи. Жаль, если кому-то удастся угадать хорошее дело.

— Нет вопросов: вам нравится НТВ, вы намерены работать там и впредь — ну и ради Бога. Когда я спрашивал о том, что вы называете сменой декораций, подразумевал одно: не

пожалуй, нет. Во всяком случае черные кошки, тринадцатые числа меня не пугают. Но когда речь заходит о НТВ, невольно хочется сплунуть, больно уж все у нас складно получается. И это при том, что мы много мозолим глаза, что вокруг нас постоянно сгущаются какие-то тучи. Жаль, если кому-то удастся угадать хорошее дело.

— Нет вопросов: вам нравится НТВ, вы намерены работать там и впредь — ну и ради Бога. Когда я спрашивал о том, что вы называете сменой декораций, подразумевал одно: не

пожалуй, нет. Во всяком случае черные кошки, тринадцатые числа меня не пугают. Но когда речь заходит о НТВ, невольно хочется сплунуть, больно уж все у нас складно получается. И это при том, что мы много мозолим глаза, что вокруг нас постоянно сгущаются какие-то тучи. Жаль, если кому-то удастся угадать хорошее дело.

— Нет вопросов: вам нравится НТВ, вы намерены работать там и впредь — ну и ради Бога. Когда я спрашивал о том, что вы называете сменой декораций, подразумевал одно: не

пожалуй, нет. Во всяком случае черные кошки, тринадцатые числа меня не пугают. Но когда речь заходит о НТВ, невольно хочется сплунуть, больно уж все у нас складно получается. И это при том, что мы много мозолим глаза, что вокруг нас постоянно сгущаются какие-то тучи. Жаль, если кому-то удастся угадать хорошее дело.

— Нет вопросов: вам нравится НТВ, вы намерены работать там и впредь — ну и ради Бога. Когда я спрашивал о том, что вы называете сменой декораций, подразумевал одно: не

пожалуй, нет. Во всяком случае черные кошки, тринадцатые числа меня не пугают. Но когда речь заходит о НТВ, невольно хочется сплунуть, больно уж все у нас складно получается. И это при том, что мы много мозолим глаза, что вокруг нас постоянно сгущаются какие-то тучи. Жаль, если кому-то удастся угадать хорошее дело.

— Нет вопросов: вам нравится НТВ, вы намерены работать там и впредь — ну и ради Бога. Когда я спрашивал о том, что вы называете сменой декораций, подразумевал одно: не

пожалуй, нет. Во всяком случае черные кошки, тринадцатые числа меня не пугают. Но когда речь заходит о НТВ, невольно хочется сплунуть, больно уж все у нас складно получается. И это при том, что мы много мозолим глаза, что вокруг нас постоянно сгущаются какие-то тучи. Жаль, если кому-то удастся угадать хорошее дело.

— Нет вопросов: вам нравится НТВ, вы намерены работать там и впредь — ну и ради Бога. Когда я спрашивал о том, что вы называете сменой декораций, подразумевал одно: не

пожалуй, нет. Во всяком случае черные кошки, тринадцатые числа меня не пугают. Но когда речь заходит о НТВ, невольно хочется сплунуть, больно уж все у нас складно получается. И это при том, что мы много мозолим глаза, что вокруг нас постоянно сгущаются какие-то тучи. Жаль, если кому-то удастся угадать хорошее дело.

— Нет вопросов: вам нравится НТВ, вы намерены работать там и впредь — ну и ради Бога. Когда я спрашивал о том, что вы называете сменой декораций, подразумевал одно: не

пожалуй, нет. Во всяком случае черные кошки, тринадцатые числа меня не пугают. Но когда речь заходит о НТВ, невольно хочется сплунуть, больно уж все у нас складно получается. И это при том, что мы много мозолим глаза, что вокруг нас постоянно сгущаются какие-то тучи. Жаль, если кому-то удастся угадать хорошее дело.

— Нет вопросов: вам нравится НТВ, вы намерены работать там и впредь — ну и ради Бога. Когда я спрашивал о том, что вы называете сменой декораций, подразумевал одно: не

пожалуй, нет. Во всяком случае черные кошки, тринадцатые числа меня не пугают. Но когда речь заходит о НТВ, невольно хочется сплунуть, больно уж все у нас складно получается. И это при том, что мы много мозолим глаза, что вокруг нас постоянно сгущаются какие-то тучи. Жаль, если кому-то удастся угадать хорошее дело.

— Нет вопросов: вам нравится НТВ, вы намерены работать там и впредь — ну и ради Бога. Когда я спрашивал о том, что вы называете сменой декораций, подразумевал одно: не

пожалуй, нет. Во всяком случае черные кошки, тринадцатые числа меня не пугают. Но когда речь заходит о НТВ, невольно хочется сплунуть, больно уж все у нас складно получается. И это при том, что мы много мозолим глаза, что вокруг нас постоянно сгущаются какие-то тучи. Жаль, если кому-то удастся угадать хорошее дело.

— Нет вопросов: вам нравится НТВ, вы намерены работать там и впредь — ну и ради Бога. Когда я спрашивал о том, что вы называете сменой декораций, подразумевал одно: не

пожалуй, нет. Во всяком случае черные кошки, тринадцатые числа меня не пугают. Но когда речь заходит о НТВ, невольно хочется сплунуть, больно уж все у нас складно получается. И это при том, что мы много мозолим глаза, что вокруг нас постоянно сгущаются какие-то тучи. Жаль, если кому-то удастся угадать хорошее дело.

— Нет вопросов: вам нравится НТВ, вы намерены работать там и впредь — ну и ради Бога. Когда я спрашивал о том, что вы называете сменой декораций, подразумевал одно: не

пожалуй, нет. Во всяком случае черные кошки, тринадцатые числа меня не пугают. Но когда речь заходит о НТВ, невольно хочется сплунуть, больно уж все у нас складно получается. И это при том, что мы много мозолим глаза, что вокруг нас постоянно сгущаются какие-то тучи. Жаль, если кому-то удастся угадать хорошее дело.

— Нет вопросов: вам нравится НТВ, вы намерены работать там и впредь — ну и ради Бога. Когда я спрашивал о том, что вы называете сменой декораций, подразумевал одно: не

пожалуй, нет. Во всяком случае черные кошки, тринадцатые числа меня не пугают. Но когда речь заходит о НТВ, невольно хочется сплунуть, больно уж все у нас складно получается. И это при том, что мы много мозолим глаза, что вокруг нас постоянно сгущаются какие-то тучи. Жаль, если кому-то удастся угадать хорошее дело.

— Нет вопросов: вам нравится НТВ, вы намерены работать там и впредь — ну и ради Бога. Когда я спрашивал о том, что вы называете сменой декораций, подразумевал одно: не

БЕСЕДЫ

отдельных фрагментов. Скажем, с понедельника до среды у меня одно состояние, во второй половине недели — совсем иное. Впрочем, вне зависимости от состояния я знаю одно: нельзя расслабляться, думать, как хорошо было отдыхать вчера, или мечтать о завтра.

— Вам выпала монетка работать 8 Марта. Неужели в честь праздника нельзя было сделать замену?

— Эта монетка мне не вчера выпала. Я уже привыкла, что мой эфир приходится и на Татьянин день, и на 8 Марта. Что делать? Зато Миша с присущим ему педантизмом подсчитал, что в ближайшие шесть лет его смены будут выпадать на 31 декабря и 1 января. Может, и хорошо, что я жизнь не планирую?

— Татьяна, вы приехали на нашу встречу с небольшим опозданием и объяснили задержку тем, что у вашей машины полетело сцепление.

— И не в первый раз полетело! — Вы говорите об этом с не-поддельной обидой. Кому упрек адресуете?

— Заводу-изготовителю. Практически новая «девятка», а столько в ней уже поменял пришло...

— В принципе у меня вопрос не об авто, но раз уж вы с готовностью подхватили тему...

Вы разбираетесь в автомобилях?

— Во всяком случае могу определить причину поломки. Опыт езды на отечественных машинах дает о себе знать. Конечно, я не ползу ковыряться в моторе, что-то там менять, проверять. НТВ в состоянии выделить мне водителя, но я всякий раз отказываюсь, поскольку мне нравится ездить за рулем.

— Теперь вернемся к тому, о чем я хотел спросить. Вы опоздали на встречу с интервьюером — это можно пережить. А если заминка случится в день эфира? Форс-мажорные обстоятельства начальством в расчет берутся?

— Руководство интересуется конечный результат, а не процесс. Поэтому, скажем, у нас нет книги учета выходов на работу и всех прочих бюрократических штук. Подразумевается, что на НТВ работают профессионалы. Поэтому на скидках из-за того, что у меня болен ребенок или ноет зуб, я не рассчитываю. Конечно, всякое в жизни бывает, но все личные проблемы должны оставаться за рамками студии. Это закон.

За два с лишним года работы на НТВ я лишь однажды вынуждена была пропустить свою неделю. И то по причине достаточно забавной. В одну из суббот в компании коллег я поехала на дачу, где меня и укусила какая-то подлая муха. Глаз залпыл, о выходе в таком виде в эфир не могло быть и речи. Самое обидное, что через сутки все прошло, но неделя уже началась, поэтому меня заменили.

— Значит, нельзя выпаст даже на день?

— Недельку ведущий должен отработать без замен, в этом фирменный знак нашей программы.

— Не хочу накаркать, но...

— Понимаю, о чем хотите спросить. Конечно, мы живые люди, случаются и простуды, и недомогания, но даю слово: стоит сесть перед камерой, как все хвори уходят. Логически это объяснить невозможно, но ведь говорят же, что и на войне в самые лютые холода солдаты редко простужаются. Наверное, организм сам себя каким-то образом мобилизует.

Я могу позволить себе поболеть только тогда, когда нет эфиров.

АНДРЕЯ ВАНДЕНКО

— Значит, так вы досуг проводите?

— Между насморками и ангиной я успеваю все же кое-что сделать. Скажем, на рабочей неделе я вынуждена читать лишь газеты, зато потом наверстываю. На отдыхе со мной исключительно классика. И стихи. Это обязательно. Не представляю, как может быть иначе...

— На сына время остается?

— Само собой. Хотя я никогда на мальчика не даю. У него свои занятия — музыка, рисование, восточные единоборства...

— Как зовут сына?

— Митка Соловьев. Я дала имя по фамилии прапрадеда — Михаила Миткова, декабриста, участника войны 1812 года.

— А когда вы мягкий знак в фамилии потеряли?

— Не я потеряла — дед. Случилось это в первые годы Советской власти. Дед не без оснований опасался, что у потомка древнего дворянского рода возможны проблемы с новым режимом.

— Подмосковная станция Митково — не ваша историческая родина?

— Может быть. Признаться, я там не была, хотя и люблю время от времени забираться куда глаза глядят. Скажем, сравнительно недавно я совершила вылазку в одно захолустное

место, где смогла получить массу впечатлений.

— Сравнительно недавно — это когда?

— Прошлым летом.

— Да, Татьяна, страшно далеки вы от народа. Почти, как декабристы.

— Судя по тому, как на меня реагируют зрители, я бы этого не сказала.

— Опять обиделись?

— Не беспокойтесь, телеведущие — люди закаленные.

— Никто достать не может?

— Если вы о критике, то для меня нет более строгого судьи, чем наш главный редактор Олег Добродеев. Наверное, мои слова смахивают на мелкий подхалимаж, но это правда. Олег Борисович всегда корректен, с женщинами — вдвойне, однако это не мешает ему быть неприступным.

— Вы говорили, что не страдаете от суеверий, но свои приметы у вас наверняка есть?

— За несколько секунд до эфира я беру трубку внутреннего телефона и говорю режиссеру, сидящему за пультом: «Ну как, готов? Тогда — вперед!». Но, кстати, в ответ я далеко не всегда слышу подтверждение, что все в порядке. Подчас случается, что я называю в эфире новость дня, и в тот же момент мне сообщают, что репортаж не смонтирован. Приходится выкручиваться. В такой ситуации могут спасти только опыт, интуиция.

— Знаю, что Михаил Осокин не пользуется телесуфлером, а вы к его — суфлеру — услугам прибегаете?

— Конечно. Это помогает бо-

лее длительному общению со зрителями. Без суфлера пришлось бы чаще в записи подглядывать. У Миши ситуация иная, он же носит очки, и это создает при работе в кадре объективные трудности. В частности, осветителям сложно ставить свет, чтобы бликов не было.

— Если суфлер выходит из строя, это выбивает вас из колеи?

— Подобное случается достаточно часто, но к трагедиям, как видите, не приводит. Текст-то весь я пишу себе сама, поэтому мне не составляет труда пересказать его своими словами без подсказок. Суфлер — дополнительная страховка, не более.

— По какой-либо причине вам приходилось терять самообладание в эфире?

— Пожалуй, всего один раз. Январь 91-го, Вильнюс, танки, давящие людей у литовского парламента... Меня заставляли несусветную галиматью, которая именовалась официальной версией случившегося. Я отказалась говорить то, во что не верила. В результате этого демарша в середине программы на экране появился диктор, который зачитал по бумажке текст, а затем я продолжила выпуск. Выглядело все это излишне драматично. Сейчас бы я повела себя иначе, нашла бы решение, аналогичное по сути, но менее эмоциональное по форме.

Я записала для себя тот выпуск. Если хотите, могу показать.

— Догадываюсь, вы и другие «гвозди» припасли?

— Да, я собираю наиболее памятные свои программы. Из них уже сложилась любопытная подборка.

— Несколько лет назад у вас был громкий скандал с Никитой Михалковым. С той поры ваши отношения наладились?

— Нет. Как-то мы столкнулись в Доме кино, и мне показалось, что Михалков спрятал глаза, ему стало стыдно. Хорошо, если так.

— А у вас желание посчитаться с обидчиком не возникало?

— Так может подумать лишь тот, кто меня плохо знает. Если человек мне неприятен, я не буду с ним общаться — и только.

— И зависть отскакивает от вас?

— Я давно для себя решила, что зависть — это чувство, рожденное комплексом собственной неполноценности, испытывать его может лишь тот, кто не любит себя.

Конечно, я знаю, что есть люди, которые, мягко говоря, не питают ко мне теплых чувств. Самое удивительное, что среди этих недоброжелателей большинство мужчин, хотя

Во всяком случае я не испытываю дискомфорта из-за того, что мой недруг находится где-то рядом, что он готовит пакость. Во мне не живет чувство опасности, я умею абстрагироваться. Так легко.

— И зависть отскакивает от вас?

— Я давно для себя решила, что зависть — это чувство, рожденное комплексом собственной неполноценности, испытывать его может лишь тот, кто не любит себя.

Конечно, я знаю, что есть люди, которые, мягко говоря, не питают ко мне теплых чувств. Самое удивительное, что среди этих недоброжелателей большинство мужчин, хотя

Во всяком случае я не испытываю дискомфорта из-за того, что мой недруг находится где-то рядом, что он готовит пакость. Во мне не живет чувство опасности, я умею абстрагироваться. Так легко.

— И зависть отскакивает от вас?

Во всяком случае я не испытываю дискомфорта из-за того, что мой недруг находится где-то рядом, что он готовит пакость. Во мне не живет чувство опасности, я умею абстрагироваться. Так легко.

— И зависть отскакивает от вас?

— Я давно для себя решила, что зависть — это чувство, рожденное комплексом собственной неполноценности, испытывать его может лишь тот, кто не любит себя.

Конечно, я знаю, что есть люди, которые, мягко говоря, не питают ко мне теплых чувств. Самое удивительное, что среди этих недоброжелателей большинство мужчин, хотя

Во всяком случае я не испытываю дискомфорта из-за того, что мой недруг находится где-то рядом, что он готовит пакость. Во мне не живет чувство опасности, я умею абстрагироваться. Так легко.

— И зависть отскакивает от вас?

— Я давно для себя решила, что зависть — это чувство, рожденное комплексом собственной неполноценности, испытывать его может лишь тот, кто не любит себя.

Конечно, я знаю, что есть люди, которые, мягко говоря, не питают ко мне теплых чувств. Самое удивительное, что среди этих недоброжелателей большинство мужчин, хотя

Во всяком случае я не испытываю дискомфорта из-за того, что мой недруг находится где-то рядом, что он готовит пакость. Во мне не живет чувство опасности, я умею абстрагироваться. Так легко.

— И зависть отскакивает от вас?

— Я давно для себя решила, что зависть — это чувство, рожденное комплексом собственной неполноценности, испытывать его может лишь тот, кто не любит себя.

Конечно, я знаю, что есть люди, которые, мягко говоря, не питают ко мне теплых чувств. Самое удивительное, что среди этих недоброжелателей большинство мужчин, хотя

Во всяком случае я не испытываю дискомфорта из-за того, что мой недруг находится где-то рядом, что он готовит пакость. Во мне не живет чувство опасности, я умею абстрагироваться. Так легко.

— И зависть отскакивает от вас?

— Я давно для себя решила, что зависть — это чувство, рожденное комплексом собственной неполноценности, испытывать его может лишь тот, кто не любит себя.

Конечно, я знаю, что есть люди, которые, мягко говоря, не питают ко мне теплых чувств. Самое удивительное, что среди этих недоброжелателей большинство мужчин, хотя

Во всяком случае я не испытываю дискомфорта из-за того, что мой недруг находится где-то рядом, что он готовит пакость. Во мне не живет чувство опасности, я умею абстрагироваться. Так легко.

— И зависть отскакивает от вас?

— Я давно для себя решила, что зависть — это чувство, рожденное комплексом собственной неполноценности, испытывать его может лишь тот, кто не любит себя.

Конечно, я знаю, что есть люди, которые, мягко говоря, не питают ко мне теплых чувств. Самое удивительное, что среди этих недоброжелателей большинство мужчин, хотя

Во всяком случае я не испытываю дискомфорта из-за того, что мой недруг находится где-то рядом, что он готовит пакость. Во мне не живет чувство опасности, я умею абстрагироваться. Так легко.

— И зависть отскакивает от вас?

— Я давно для себя решила, что зависть — это чувство, рожденное комплексом собственной неполноценности, испытывать его может лишь тот, кто не любит себя.

Конечно, я знаю, что есть люди, которые, мягко говоря, не питают ко мне теплых чувств. Самое удивительное, что среди этих недоброжелателей большинство мужчин, хотя

Во всяком случае я не испытываю дискомфорта из-за того, что мой недруг находится где-то рядом, что он готовит пакость. Во мне не живет чувство опасности, я умею абстрагироваться. Так легко.